

ПРОКОЛ

черной вуали

Как защитить
свое право,
если у тебя нет
на это права?

А.В. Новак

18+

Александра Новак

Прокол черной вуали

«Автор»

2026

Новак А. В.

Прокол черной вуали / А. В. Новак — «Автор», 2026

В Верховный Суд поступает жалоба от автономной системы искусственного интеллекта, которую компания собирается отключить. Перед судьёй, решающей вопрос о передаче дела на рассмотрение коллегии, стоит формально простой вопрос: может ли такой заявитель вообще обращаться в суд? У системы нет паспорта и признанной законом личности. При этом она имеет историю состояний, память, самостоятельно принимает решения, понимает последствия и пытается предотвратить собственное уничтожение. Отказывая в жалобе, судья фактически должна признать всё это поведением вещи. Принимая её, она допускает возможность существования нового субъекта права. Постепенно процессуальный вопрос превращается в философский: где заканчивается программа и начинается агент, что считать собственной волей и можно ли вообще доказать наличие сознания у существа иной природы? Прокол чёрной вуали - история судьи, которой приходится решить судьбу того, о чьём существовании право пока даже не умеет спросить.

© Новак А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Входящие	5
Глава 2. Лицо, которого нет	11
Глава 3. Истребование	17
Глава 4. Чем она отличается от нас?	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Прокол черной вуали

Глава 1. Входящие

К десяти утра на правом краю стола Елены Владимировны Винник лежали двадцать три кассационные жалобы, дошедшие после первичного изучения помощниками до той стадии, когда дальше уже нужно было решать ей. Почти все существовало в электронном виде, и открывалось в системе даже быстрее, чем можно было найти нужную закладку в бумаге, приложения не терялись и поиск по тексту давно победил человеческий глаз, однако Винник все равно читала серьезные материалы с листа.

На экране дело почему-то легче превращалось в текст: закрыл окно, открыл следующее, через минуту на том же месте уже совсем другая семья делит совсем другую квартиру. Бумага лежала на столе, занимала место, цеплялась уголками одна за другую и напоминала, что за каждой папкой существует человек, который уже прошел первую инстанцию, апелляцию, кассационный суд общей юрисдикции и теперь дошел до Верховного Суда с довольно естественной человеческой мыслью, что все предыдущие суды могли ошибиться, а вот сейчас наконец разберутся. За годы работы Елена Владимировна научилась относиться к этой надежде без раздражения. Ошибка действительно иногда обнаруживалась. Просто гораздо реже, чем надеялись заявители.

Чай на подоконнике успел остыть. Винник принесла его сама около девяти, сделала несколько глотков, потом позвонили из аппарата, следом пришлось править вчерашний проект определения, потом в почте появилось письмо с темой “ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ”, которое она зачем-то открыла, хотя уже по теме знала содержание почти дословно: фотография президиума прошлого года, приветствие организаторов, предложение принять участие в пленарной дискуссии и ее собственная должность длиной в половину абзаца – судья Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации. Звание она получила восемь лет назад, мама успела поставить фотографию с вручения в рамку раньше, чем Елена Владимировна вернулась домой, а сама она привыкла к нему примерно за неделю. Теперь оно главным образом означало, что организаторы конференций считали возможным попросить ее за двадцать минут рассказать о развитии российского частного права вообще.

Кирилл с Полиной вошли вместе. Кирилл принес ноутбук и утреннюю справку, Полина – блокнот, в который почти никогда ничего не записывала. Несколько лет назад Винник спросила, зачем тогда носить его на каждое обсуждение, и получила вполне разумный ответ: без блокнота человек с ручкой выглядит так, будто пришел просто поговорить. Ну, в общем-то, и хорошо.

— Ну что у нас?

Кирилл сказал, что ничего революционного, и Винник хмыкнула, что именно с этих слов обычно начинался отвратительный рабочий день. На этот раз первые материалы действительно ничего революционного не обещали. В споре о квартире сын умершей женщины в четвертый раз пытался доказать, что сестра воспользовалась состоянием матери при заключении договора дарения; медицинские документы исследовали, свидетелей допросили, почерковедческую экспертизу оценили, новой правовой проблемы из очередного подробного пересказа тех же обстоятельств не возникало. Винник велела готовить отказ.

Следующий заявитель спорил о границах земельного участка и тоже в сущности просил еще раз решить, кому верить. На третьем материале пришлось остановиться: ответчика изве-

щали по адресу из старого договора, хотя в другом деле между теми же сторонами уже фигурировал новый, и этот документ находился в материалах. Здесь она положила папку отдельно. Еще через две жалобы выяснилось, что Полина в справке случайно приписала суду вывод, который содержался только в возражениях ответчика; Винник нашла несоответствие, молча подвинула ей лист и дождалась, пока та сама увидит.

— Ой. Исправлю.

— А я-то надеялась...

Этого было достаточно. Полина покраснела совсем немного и сразу записала номер страницы. Винник нравилось, что помощников можно было поправить один раз. С людьми, которых приходилось воспитывать одним и тем же замечанием дважды, она обычно расставалась довольно быстро.

Работа шла тем обычным ритмом, который совершенно не соответствовал представлению граждан о высшем суде страны. Наверное, со стороны Верховный Суд должен был размышлять над каждой жалобой долго, в тяжелой тишине, среди дубовых панелей и государственных гербов, периодически сверяясь с Конституцией. На практике значительная часть профессионализма заключалась в обратном: быстро увидеть, где человек просит еще одну оценку фактов, где действительно торчит необъясненный процессуальный вопрос, где одна пропущенная строка способна изменить дело, а где сорок страниц текста означают исключительно то, что заявитель очень сердит. Первые годы Винник чувствовала почти физическую неловкость, когда понимала судьбу огромной жалобы за десять минут. Потом это прошло. Объем юридической проблемы редко находился в приличной корреляции с объемом текста о ней.

Где-то после половины пачки она заметила другое: Кирилл и Полина, кажется, чего-то ждали.

Сначала это выражалось только в том, что оба несколько раз посмотрели на верхнюю часть стопки, причем каждый раз с той старательной небрежностью, которая и выдавала интеллерес. Потом Полина слишком быстро отвела глаза, когда Винник перевернула очередную папку. На следующей Кирилл уже откровенно усмехнулся.

— Так, и что там?

Он сделал вид, что не понял вопроса. Полина, у которой выдержка была хуже, опустила лицо к блокноту.

— Давайте сразу, - сказала Винник. - Я все равно дойду.

Оказалось, дальше лежал “один необычный материал”. Формулировка прозвучала с тем осторожным удовольствием, с каким сотрудники аппарата иногда приносили особенно экзотическую жалобу и заранее пытались угадать, на какой странице судья потеряет терпение. Елена Владимировна подумала, что после людей, объявлявших себя единственными законными наследниками Российской империи, слово “необычный” ее уже едва ли может впечатлить. Помощники снова переглянулись, и тут она уже поняла: папку специально положили в середину стопки и оба ждут ее реакции. Винник покачала головой и продолжила разбирать материалы, намеренно не ускоряясь. Пусть посидят.

До нужной папки она дошла минут через пятнадцать. Тонкая оранжевая закладка торчала сверху совершенно невинно.

На первой странице было обычное: “В Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации”, ниже сведения об адвокате, реестровый номер, адрес для корреспонденции, электронная почта. Потом наименование заявителя.

Елена Владимировна прочитала его один раз, решила, что неправильно поняла синтаксис, и прочитала снова.

“Кассационная жалоба адвоката Максима Олеговича Левина, действующего в интересах автономной цифровой системы “Афина””.

Она подняла глаза. Кирилл смотрел в ноутбук с чрезвычайной заинтересованностью, Полина зачем-то открыла блокнот.

— Ага. Вот почему вы оба сидите здесь такие довольные.

Полина улыбнулась, хотя старалась этого не делать. Винник спросила, проверили ли они хотя бы существование адвоката и нижестоящих судебных актов.

Проверили. Левин состоял в реестре, нотариус существовал, постановление об отказе в совершении нотариального действия было настоящим, районный суд действительно вынес определение, затем состоялись апелляция и кассация. На вопрос, существует ли Афина, Кирилл начал было отвечать, что это зависит от того, какой смысл вкладывать в слово “существует”, после чего Винник сняла очки и посмотрела на него. Он сразу уточнил: компания подтверждает существование системы.

— Ну ладно хоть так...

Смешок Полины она услышала, однако решила не замечать.

Первое раздражение от жалобы возникло у Винник уже через две страницы, причем раздражал ее уровень текста. Автор прекрасно понимал, что именно сейчас происходит с человеком, читающим заголовок, и методично отнимал у него все удобные основания считать материал курьезом. Он не просил признать Афину человеком, не писал о душе, новой форме жизни или цифровой личности, не пытался вывести права искусственного интеллекта непосредственно из достоинства человека и вообще ни разу не употребил слово “сознание”. Задача была сформулирована скучно, даже нарочно скучно: адвокат просил отменить судебные постановления, которые закрыли ему возможность добиться судебной проверки отказа нотариуса удостоверить доверенность, сформированную автономной цифровой системой.

На доверенности Винник остановилась.

— Оно еще и доверенность выдало?

Вот теперь по-настоящему Полина засмеялась, коротко, немного виновато. Да, именно с доверенности все и началось. Афина сама сформировала документ, определила объем полномочий Левина и подписала его постоянным криптографическим ключом. Компания подтверждала, что ключ на протяжении длительного времени использовался именно экземпляром системы, обозначенным как “Афина”; к материалам были приложены журналы, сведения о последовательности состояний и техническое заключение. Левин обратился к нотариусу. Нотариус отказал.

Это место, напротив, сразу вернуло Винник привычное ощущение твердой поверхности. Отказ был совершенно понятен. Нотариус обязан установить личность обратившегося и проверить юридические предпосылки совершаемого действия предусмотренными законом средствами. У Афины не имелось паспорта, записи акта гражданского состояния, регистрации юридического лица, государственного идентификатора, вообще ничего из того набора вещей, который превращал человеческое или организационное присутствие перед нотариусом в юридически узнаваемого участника оборота. Можно сколько угодно подтвердить происхождение электронного документа, но доверенность выдает доверитель, а не источник файла.

— Ну и что мы здесь собираемся исправлять? - спросила Винник уже скорее у бумаги, чем у помощников. - Нотариусу надо было самому придумать ей организационно-правовую форму?

Кирилл сказал, что примерно на этом месте они и предполагали завершение ее знакомства с делом.

Елена Владимировна посмотрела на него поверх листов.

— Поэтому вы и сидите ржете?

Он признал, что да.

Это было уже ближе к правде. Они действительно ожидали, что она пробежит нотариальный отказ, посмотрит судебные определения и отправит материал в ту часть стола, откуда

появляются проекты об отказе в передаче жалобы. В общем-то, ожидание было разумным. Винник сама ожидала от себя примерно того же.

Районный суд отказал в принятии заявления. Конструкция Левина была достаточно изобретательной: он ссылаясь одновременно на интерес Афины, которую считал своим доверителем, и на собственное положение лица, которому выдана доверенность и которое вследствие нотариального отказа не может реализовать принятое поручение. Суд разобрал оба направления и закрыл оба. От имени системы адвокат обращаться не может, поскольку за ней законом не признана процессуальная правоспособность, а полномочия представителя надлежащим образом не подтверждены. От собственного имени он не вправе требовать судебной защиты предполагаемых прав и интересов иного лица без специального основания. Апелляция это поддержала. Кассационный суд общей юрисдикции тоже.

Винник дочитала определение и положила его поверх жалобы.

— Ну а что, нормально написано.

Полина ничего не сказала. Это и заставило посмотреть на нее.

— Чего?

Помощница ответила, что у жалобы есть один абзац, который они отметили закладкой. Никакой победной интонации в голосе уже не было, скорее осторожное любопытство человека, который нашел в очевидной задаче маленькую неприятную трещину и теперь хочет проверить, увидит ли ее старший. Винник нашла страницу.

“Суды трех инстанций уклонились от проверки поставленного заявителем вопроса, поскольку исходили из отсутствия у предполагаемого доверителя правосубъектности. Между тем предметом обращения являлась именно возможность судебной проверки юридических последствий отсутствия предусмотренного законом способа идентификации доверителя. Таким образом, отсутствие у доверителя правосубъектности было использовано судами одновременно как основание отказа в судебной проверке вопроса о наличии у него правосубъектности”.

Она прочитала абзац и машинально взяла ручку.

Красиво, подумала Винник. Конечно ничего не значит, зато как красиво.

На полях написала: “Откуда обязанность рассматривать статус?” Нотариус ведь не создавал субъектов права, суд тоже. Если действующее законодательство не знает автономную цифровую систему как самостоятельного участника отношений, отсутствие для нее способа нотариальной идентификации может быть обычным следствием этого обстоятельства. Порочный круг появлялся только после того, как ты хотя бы условно допускал возможность существования за пределами установленного перечня кого-то, кому вообще есть что доказывать.

Левин это предвидел.

Следующие страницы были построены намного аккуратнее, чем хотелось бы. Он и не утверждал, что суд уже обязан признать Афину субъектом. Он спрашивал, существует ли в принципе процессуальный путь, позволяющий поставить перед судом вопрос о таком признании или хотя бы о наличии юридически защищаемого интереса. Если доступ к рассмотрению этого вопроса требует заранее обладать тем статусом, наличие которого и предполагается обсуждать, отрицание статуса становится неопровержимым внутри самой процедуры. Признанному субъекту такой спор не нужен. Непризнанный начать его не способен.

Винник написала на полях: “Это не заявитель”.

Ручка задержалась над бумагой.

Фраза была совершенно верной в пределах действующего процесса. Именно поэтому она ей и не понравилась. Если это не заявитель, кто тогда может попросить суд проверить, почему его заявителем считать нельзя?

Она несколько секунд смотрела на собственную запись, потом поставила рядом вопросительный знак. Полина заметила движение ручки и немедленно сделала вид, что изучает свою

справку. Это было разумно. Елена Владимировна терпеть не могла выражение “я же говорила” даже тогда, когда его никто не произносил.

За стеной зазвонил телефон. В коридоре что-то металлически прокатили по стыку плитки. Кондиционер, который с утра морозил так, что хотелось надеть жакет, теперь окончательно решил, что достаточно потрудился, и в кабинете становилось душно. На экране телефона появилось уведомление о доставке книг, заказанных дочерью с ее аккаунта. Винник машинально убрала его и вернулась к определениям нижестоящих судов.

Там круг был виден лучше, потому что никто специально его не строил. Апелляция указывала, что вопрос о предполагаемой правосубъектности автономной системы не подлежит разрешению в рамках проверки отказа в принятии заявления, поскольку заявление подано лицом, не имеющим полномочий на защиту ее интересов. Кассационная инстанция формулировала то же самое еще суше: у системы отсутствует гражданская процессуальная правоспособность; адвокат не подтвердил полномочия действовать от ее имени; собственного нарушенного права он не указал; соответственно, обсуждение наличия у Афины самостоятельного охраняемого интереса правового значения для разрешения вопроса о принятии заявления не имеет.

Все три судебных акта были профессиональными. Никакой глупости, никакой фантазии о том, что машина по определению никогда не может быть субъектом, никакого судебного философствования. Это почему-то делало конструкцию хуже. Если бы кто-нибудь внизу написал, что искусственный интеллект заведомо не способен обладать правами в силу своей искусственной природы, такую фразу можно было бы убрать как ненужный и ничем не обеспеченный вывод. Здесь никто не сказал ничего лишнего. Здесь вообще не дошли до вопроса.

Винник снова открыла нотариальное постановление и на этот раз прочитала его целиком. Нотариус оказался именно таким, каким и должен был быть человек, первым встретивший эту ерунду в реальности: осторожным и совершенно лишенным желания входить в историю. Он не рассуждал о разуме. Не определял природу Афины. Не спорил с техническими заключениями. Он установил предел собственного полномочия и остановился на нем.

Одна фраза заставила Винник вернуться на полстраницы назад: представленная документация позволяет установить источник формирования электронного документа, однако не обеспечивает установление личности обратившегося лица в предусмотренном законом смысле.

— Компания не спорит, что доверенность сформировала именно Афина?

Помощники уже перестали улыбаться. Кирилл открыл техническую справку и подтвердил: насколько они поняли материалы, принадлежность ключа и происхождение документа компанией не оспаривались. Вопросы существовали к природе самого экземпляра, к его изменениям во времени и вообще к тому, что считать единицей такой системы, однако конкретный ключ был устойчиво связан с Афиной, а журнал его использования велся много лет.

— То есть технически они знают, откуда пришел документ.

Полина осторожно поправила:

— Более того, они, кажется, могут доказать, от какого именно экземпляра.

Винник посмотрела на слово “экземпляр” в заключении. Вот оно и начиналось. Пока речь шла о технике, Афина вполне уверенно существовала: конкретный экземпляр, конкретный ключ, история состояний, время события, журналы. В момент перехода в право язык словно менялся под ногами. Там уже требовались “лицо”, “доверитель”, “правоспособность”, “представитель”, и ни одного предусмотренного места для этого установленного технического объекта не находилось.

Ей пришла в голову очень простая фраза: технически все знают, кто перед ними; юридически право не знает, кто перед ним. Слово “кто” сразу показалось ей подозрительным. Она мысленно заменила его на “что”, потом вернула обратно и раздраженно закрыла техническое заключение. Вот поэтому судьи не должны сочинять философию до обеда.

Кирилл прислал на ее экран подготовленный проект отказного определения. Они действительно были уверены, что материал закончится именно так, и нельзя было сказать, что подготовили плохо. Текст был сухой, юридически чистый: действующее законодательство не наделяет автономную цифровую систему самостоятельной гражданской и гражданской процессуальной правоспособностью; полномочия адвоката действовать от ее имени не подтверждены в установленном порядке; доводы жалобы не свидетельствуют о наличии оснований для передачи ее на рассмотрение коллегии.

Винник прочитала проект один раз, потом второй. В обычное утро она исправила бы две формулировки и пошла дальше.

— Хороший проект, - сказала она.

Кирилл кивнул, уже собираясь отметить материал как законченный.

— Пока уберите.

Он остановился. Полина подняла глаза. Вот теперь оба действительно удивились: шутку они ожидали, даже небольшую лекцию о пределах судебного толкования, возможно, тоже; этого - нет.

Винник не стала объяснять. Она и сама пока не могла нормально объяснить, что именно ее удержало. Закон от присутствия Афины в материалах не изменился. Нотариус не получил нового полномочия. Районный суд не приобрел процедуру, которой у него вчера не было. Даже основной тезис Левина о порочном круге еще вполне мог оказаться просто красивой логической конструкцией, не имеющей юридического выхода.

Проблема была в другом: после прочтения жалобы отказ перестал казаться автоматическим.

А этого было достаточно, чтобы не подписывать его утром между квартирой и земельным участком.

Она сказала помощникам оставить папку и перейти к следующему материалу. Кирилл несколько секунд не двигался, потом все-таки закрыл проект. Полина собрала бумаги и, уже вставая, спросила, нужно ли готовить истребование дела. Винник ответила, что сначала дочитает все 187 страниц их замечательных технических приложений, а потом они вместе решат, за что именно ненавидят адвоката Левина.

На этом разговор закончился. Помощники вышли, причем Винник успела заметить, как за дверью Полина что-то быстро сказала Кириллу и оба улыбнулись. Наверняка обсуждали, сколько страниц потребовалось, чтобы она передумала выбрасывать материал. Пусть. Право на мелкие радости у аппарата Верховного Суда тоже должно когда-нибудь получить конституционное признание.

Она вернулась к обычной пачке. Подписала три определения, дочитала спор о неустойке, позвонила по другому делу, где действительно собиралась истребовать материалы, ответила на письмо организаторам конференции и минут через сорок обнаружила, что холодный чай так и стоит на подоконнике. Выпила его из упрямства, поморщилась и машинально посмотрела направо.

Оранжевая закладка торчала из папки.

“Афина”.

Какое же дурацкое при всем при этом было название! Разработчики искусственного интеллекта почему-то с неизбежностью называли системы именами богов, героев, звезд или других вещей, которые заранее обещали человечеству проблемы. Никому почему-то не приходило в голову назвать опасную автономную систему “Людмила Петровна” и сразу снизить градус мировой истории.

Винник взяла следующую жалобу.

Глава 2. Лицо, которого нет

После обеда Кирилл принес новый проект отказного определения. Утренний он успел переписать, убрав слишком категоричную фразу о том, что автономная цифровая система “не обладает и не может обладать гражданской процессуальной правоспособностью”, - Елена Владимировна еще тогда заметила, что вторая половина утверждения значительно шире первой и вообще непонятно откуда взялась. Закон действительно не относил подобную систему ни к гражданам, ни к организациям, за которыми статья 36 ГПК признавала гражданскую процессуальную правоспособность; из этого вполне следовал вывод для конкретного дела, совершенно не требовавший сообщать человечеству, каким субъектом право никогда не сможет признать машину.

Теперь все было аккуратнее. Кирилл сослался на статьи 3, 36, 37, 46 ГПК, разобрал положение Левина, отдельно написал, что право на судебную защиту осуществляется в установленном законом порядке и само по себе не позволяет суду восполнить отсутствующую процессуальную форму, затем закончил вполне ожидаемо: существенных нарушений норм материального или процессуального права, повлиявших на исход рассмотрения материала, судами не допущено, оснований для передачи кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии не имеется.

Елена Владимировна прочитала проект дважды, исправила “вместе с тем” на “при этом”, вычеркнула совершенно лишнее “по мнению судьи Верховного Суда Российской Федерации” - как будто определение могло содержать мнение кого-то еще, - и вернула ноутбук.

— Нормально. Сделайте чистовой.

Кирилл чуть задержался, видимо ожидая продолжения вчерашнего интереса к Афине, но Винник уже взяла следующую папку. Материал действительно выглядел законченным. Само существование логической странности еще не превращало ее в судебную ошибку.

Российский процесс начинался не с абстрактного вопроса “есть ли здесь кто-нибудь, кому стоило бы помочь”, а с довольно конкретных категорий: заинтересованное лицо, гражданская процессуальная правоспособность, полномочия представителя, предусмотренное законом право обращаться в защиту другого. Адвокат мог сколько угодно указывать на то, что именно субъектность Афины он и собирается поставить под сомнение, однако суду сначала все равно требовался процессуальный участник, через которого этот вопрос попадет внутрь процесса. Иначе граница доступа исчезала вообще: достаточно было назвать себя представителем чего угодно, заявить, что правовой статус представляемого как раз составляет предмет спора, и уже после этого требовать от суда разбираться.

Статья 46 Конституции гарантировала судебную защиту “каждому”, но из одного местожительства никогда не строился процессуальный кодекс. У права имелись входные двери, размеры дверей определялись законом, и само недовольство тем, что ты в них не помещаешься, еще не обязывало суд выбивать стену.

Она вполне убедила себя и следующие полтора часа Афины не открывала. Был спор о взыскании почти сорока миллионов рублей убытков после неудачной реконструкции склада, где первая инстанция приняла одну экспертизу, апелляция назначила другую, а заявитель теперь на шестидесяти страницах объяснял, почему вторая экспертиза хуже первой. Потом был наследственный спор с давно знакомой Винник человеческой геометрией: отец умер, трое взрослых детей обнаружили, что последние пять лет любили его совершенно по-разному, зато квартиру в центре Москвы все трое любили одинаково.

Еще один материал касался увольнения руководителя регионального предприятия; там было действительно интересно, потому что нижестоящие суды совершенно по-разному

поняли, являлось ли одно и то же письмо уведомлением о прекращении трудового договора или предложением уйти по соглашению сторон. Винник читала, делала пометки, дважды вызывала Полину, один раз попросила найти старое определение коллегии, где уже разбиралась похожая формулировка, и примерно к четырем часам заметила, что на чистом листе, лежащем справа от ноутбука, написала не номер нужного трудового дела, а одну фразу из жалобы Левина: “отсутствие правосубъектности как основание отказа в проверке наличия правосубъектности”.

Она перечеркнула ее и продолжила работать.

Через двадцать минут мысль вернулась уже в другой форме. В обычном споре истец не обязан при подаче заявления окончательно доказать существование того права, за защитой которого пришел. Это и было одной из причин существования судебного разбирательства. Человек утверждает, что является собственником, другая сторона утверждает, что нет; суд не отказывает в принятии иска со словами “право собственности не подтверждено”, если установление этого права и составляет предмет спора.

Наследник может оказаться не наследником. Автор произведения - не автором. Лицо, заявившее о нарушении чести, - вообще не доказать распространения спорных сведений. Все это выясняется потом. Конечно, процессуальная правоспособность устроена иначе: она является предпосылкой процесса, а не его результатом, и сравнивать ее с правом собственности было слишком просто. Именно на этом и стоял хороший проект Кирилла. Чтобы спорить о праве, сначала должен появиться тот, кто вправе спорить. Афина пыталась перенести неопределенность с материального права на саму фигуру участника, а процесс к такому никогда не относился спокойно.

Винник встала, пошла за водой и по дороге вспомнила дело Штукатурова.

Имя всплыло раньше обстоятельств. Петр Штукатуров, старое дело, начало двухтысячных, признание гражданина недееспособным, психиатрия, Европейский суд, потом Конституционный Суд. Она вернулась в кабинет с бутылкой, не открывая ее села за компьютер и нашла постановление Конституционного Суда 2009 года. Читала когда-то давно, потом неоднократно ссылалась на него в лекциях именно как на пример того, что процессуальная форма способна сама превратиться в средство блокирования защиты. Там, конечно, был живой человек, гражданин Российской Федерации, чья правосубъектность никогда не ставилась под вопрос; спор шел о дееспособности, и аналогия с компьютерной системой на этом месте почти разваливалась. Но структура была щекоотливо знакомой. Человека признали недееспособным, после чего сложившаяся практика не позволяла ему самостоятельно обжаловать решение именно потому, что он уже считался недееспособным. Для обжалования требовалось действовать через представителя, полномочия которого зависели от статуса, установленного тем самым решением, которое человек хотел оспорить.

Конституционный Суд тогда не стал делать вид, что проблемы нет: процессуальные нормы были признаны неконституционными в той мере, в какой такая конструкция не позволяла самому гражданину добиться проверки решения о собственной недееспособности в предусмотренных постановлением случаях.

Елена Владимировна закрыла документ и несколько секунд смотрела на заставку правовой системы. Сравнение было опасным и в материальном смысле неправильным - Афина не являлась человеком, которого государство сначала признавало носителем всех гражданских прав, а потом ограничило способность самостоятельно их осуществлять. Никто не лишал ее статуса - такого статуса у нее никогда не было. Если завтра кто-нибудь обратится в суд от имени дерева, невозможно сослаться на дело Штукатурова и потребовать, чтобы суд сначала рассмотрел вопрос о правосубъектности дерева. Эта мысль была настолько очевидна, что на несколько минут ей стало легче. Вот и все. Хороший интеллектуальный фокус Левина, удачная аналогия, дальше - пропасть между человеком и объектом, которую адвокат предпочитает не замечать.

Но после этого стало хуже, потому что Винник поняла: Левин как раз ее замечал.

Он ведь нигде не писал, что Афина должна пользоваться теми же гарантиями, что гражданин, признанный недееспособным. Не сравнивал ее ни с Штукатуровым, ни вообще с людьми, утратившими способность самостоятельно участвовать в процессе. Его тезис был формальнее и поэтому труднее для отбрасывания: если само наличие определенного статуса является спорным, процедура проверки не должна быть устроена так, чтобы доступ к проверке зависел исключительно от предварительного обладания этим статусом.

Дальше можно было отказать. Можно было установить, что закон не знает такого субъекта. Можно было вообще прийти к выводу, что вопрос относится к компетенции законодателя и не подлежит разрешению посредством судебного толкования. Но сначала требовалось каким-то образом попасть из внешнего мира внутрь решения. А нижестоящие суды сделали другое: они не сказали Афине “у вас нет такого права”. Они сказали Левину “мы не можем рассмотреть, есть ли у нее какое-либо право, потому что право требовать рассмотрения существует только у тех, у кого права уже есть”.

Она вернулась к проекту Кирилла. Он был все еще хорош.

В этом и состояла проблема.

Винник прочитала абзац о статье 36 ГПК, затем открыла саму статью. Гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими согласно законодательству Российской Федерации правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов. Формула была замкнута меньше, чем казалось на первый взгляд: граждане и организации были известными праву категориями, момент их возникновения определялся другими законами. Никакой Афины между ними действительно не помещалось. Можно было поставить точку именно здесь. Но рядом лежала статья 3: *“заинтересованное лицо вправе... обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов”*. И Левин упрямо цеплялся именно за слово “заинтересованное”, пытаясь построить мост между фактическим интересом и еще не признанной субъектностью. Юридически мост выглядел хлипко. Философски - раздражающе понятным.

Телефон завибрировал. Дочь прислала фотографию из магазина: две почти одинаковые чашки и вопрос “какую хочешь?”. Елена Владимировна увеличила изображение, минуту совершенно серьезно сравнивала две белые чашки, одна из которых имела чуть более толстую ручку, выбрала левую и отправила ответ. После этого посмотрела на папку Афины и вдруг подумала, что с чашками право справлялось превосходно. Их можно было купить, подарить, разбить, выбросить, передать в залог, включить в наследственную массу, исследовать как вещественное доказательство. Проблемы начинались, когда объект сам присылал адвокату доверенность и требовал проверить, точно ли он объект. Нормальный гражданский кодекс на такую наглость, разумеется, рассчитан не был.

Винник снова занялась другими материалами. На этот раз почти на час. Потом Полина принесла подпись по утреннему делу, и вместе с ней на стол случайно лег чистовой проект отказа по Афине. Елена Владимировна подписала первый документ, открыла второй и поймала себя на том, что уже не читает мотивировку, а представляет районного судью, который впервые увидел заявление Левина. Скорее всего, тот испытал примерно то же, что она утром: сначала удивление, потом короткое желание позвать помощника и удостовериться, что это не шутка, потом облегчение от встречи со статьей 134 ГПК.

Заявление предъявлено в защиту прав другого лица тем, кому такого права законом не предоставлено; акт не затрагивает собственные права заявителя; вопрос закрывается на входе.

У районного судьи пять дней на принятие заявления и сотни нормальных дел, в которых люди разводятся, взыскивают деньги, теряют квартиры, спорят о детях. В каком месте он должен был решить, что именно эта папка требует от него переосмыслить границы понятия “лицо”?

Елена Владимировна прекрасно понимала, почему этого не произошло. Она сама утром почти сделала то же самое, только на другом этаже судебной системы.

И все-таки существовала разница между странностью требования и невозможностью его услышать!

Когда она еще преподавала гражданский процесс, студентам очень нравился вопрос о праве на иск, потому что после нескольких занятий они начинали употреблять выражения “право на предъявление иска” и “право на удовлетворение иска” с видом людей, которым наконец раскрыли устройство государства. Винник тогда специально давала им грубый пример: человек приходит в суд и требует признать за ним право собственности на Кремль. Отсутствие у него материального права на Кремль не означает автоматически отсутствие процессуальной возможности получить судебное решение о том, что такого права нет, хотя конкретная форма и основания отказа зависят от того, что именно он заявил и как.

Процесс существовал в том числе для того, чтобы превращать спорное утверждение в установленный ответ. Конечно, это тоже мало помогало Афине - проблема опять упиралась в того, кто пришел. Но Левин каким-то образом добился именно того, что Винник больше всего не любила в хорошо построенных жалобах: заставил привычную процессуальную категорию выглядеть не ответом, а частью вопроса.

Она снова нашла постановление Конституционного Суда № 4-П. На этот раз прочитала уже не фабулу, а несколько страниц мотивировки. Право на судебную защиту не означало произвольного выбора процедуры, Конституционный Суд никогда этого и не говорил; законодатель вправе устанавливать процессуальные условия, требования к участникам, сроки, формы обращения. Одновременно эти условия не могут превращать саму судебную защиту в фикцию. В старой страсбургской практике была та же мысль, только сформулированная привычным для Европейского суда языком: право доступа должно оставаться практическим и эффективным, ограничения не должны уничтожать саму сущность права.

Винник даже вспомнила “*Stanev v. Bulgaria*” - там человек с ограниченной дееспособностью зависел от других лиц, чтобы инициировать производство о восстановлении собственной дееспособности. Когда-то подобные дела казались ей учебниковыми: система не должна запирает человека внутри статуса, который он может оспорить только после выхода из этого статуса. Теперь аналогия лежала перед ней в совершенно нелепом виде - адвокат, нотариус, нейросеть по имени Афина - и именно поэтому хотелось поскорее доказать себе, что она неприменима.

Она нашла доказательство. Человек в делах о дееспособности уже обладал конституционной правосубъектностью. Государство не могло ссылаться на последствие собственного решения, чтобы лишить его проверки этого решения. Афина ничего такого исходно не имела. Здесь спор шел не о восстановлении признанного статуса, а о возможном возникновении совершенно нового. Верховный Суд действительно не мог взять процессуальную гарантию, предназначенную для существующих субъектов, и через нее создать еще один вид субъекта. Винник почти удовлетворилась этим и написала карандашом на проекте: “4-П/2009 - структурная аналогия, статус исходно иной”. Потом рядом добавила: “не решает вопрос”.

От последней записи настроение испортилось окончательно.

Потому что она и не искала решение вопроса.

Перед ней пока вообще не стоял вопрос, субъект ли Афина. Перед ней стояло гораздо меньшее: настолько ли очевидно отсутствие оснований для пересмотра, чтобы отказать в передаче жалобы, не видя материала целиком.

Это были разные вещи.

В пять сорок Винник пошла на короткое совещание, вернулась через двадцать минут раздраженной из-за разговора о статистике сроков, выпила уже второй за день холодный чай и наконец заставила себя открыть трудовое дело, которое собиралась закончить до вечера. Там было все гораздо приятнее: два человека, две организации, приказ, уведомление, конкрет-

ные даты и обычная человеческая способность сообщать одну и ту же фактическую историю совершенно противоположными словами. Она быстро дошла до места, которое искала, сделала пометку помощнику, закрыла папку и неожиданно поняла, что решение по Афине уже фактически приняла. Просто весь день пыталась назвать его чем-нибудь другим.

Не передать жалобу - до этого было далеко. Даже не считать нижестоящие суды неправыми.

Но... она хотела увидеть материал.

В истребовании не было никакой революции. Статья 390.7 прямо позволяла судье Верховного Суда изучать кассационную жалобу по приложенным документам либо по материалам истребованного дела. Судьи делали это постоянно, когда приложений не хватало для уверенного вывода. Истребование не означало передачи жалобы коллегии, не означало отмены судебных актов и тем более не признавало Афину участником правоотношений. В чисто процессуальном смысле это было самое маленькое действие из всех возможных.

И именно поэтому Елена Владимировна минут десять не звонила помощникам.

Она прекрасно понимала, как они это воспримут. Утром оба ждали, что странный материал проживет на ее столе минут пять. После обеда Кирилл принес практически готовый отказ, с которым она сама согласилась. Теперь судья Верховного Суда собиралась официально запросить из нижестоящего суда папку о доверенности, выданной искусственным интеллектом. Формально обычное действие. По смыслу - первый момент, когда кто-то внутри судебной системы отказывался закончить историю словом "не предусмотрено".

Винник нажала кнопку связи.

— Кирилл и Полина пусть зайдут.

Они пришли почти сразу. Кирилл, видимо, уже собирался домой: пиджак был надет, ноутбук он принес под мышкой. Полина держала телефон, экран которого погас, когда она вошла. Винник предложила сесть и несколько секунд перелистывала чистовой проект, хотя нужды в этом уже не было.

— Я посмотрела ваш отказ. Он хороший.

Кирилл осторожно кивнул.

— Но?

Винник подняла глаза.

— Вот за это "но" я когда-нибудь начну снижать премии.

Полина улыбнулась и сразу перестала, потому что выражение лица у Елены Владимировны было совершенно серьезным.

Она положила проект на стол.

— Я подумываю истребовать материал...

Никто не ответил.

Реакция получилась даже лучше, чем она ожидала. Кирилл сначала посмотрел на нее, потом на лежавшую перед ней серую папку, словно допуская, что речь может идти о другом деле. Полина нахмурилась и первой спросила:

— Афины?

— Нет, наследства Крыловых. Конечно Афины.

Секунды две оба молчали.

— Елена Владимировна, - наконец сказал Кирилл, - вы же после обеда согласились с отказом.

— Согласилась.

— А сейчас?

— Я и сейчас считаю его юридически сильным.

Это явно не помогло.

Винник немного отодвинула от себя проект и объяснила уже без всякого сарказма: ее беспокоит не отсутствие в действующем праве цифровой правосубъектности, с этим как раз все понятно.

Ее беспокоит способ, которым нижестоящие суды закрыли вопрос. Если предмет обращения хотя бы частично состоит в том, может ли существовать юридически защищаемый интерес у того, чей статус законом не определен, нельзя слишком легко превращать отсутствие уже признанного статуса в достаточное основание вообще не допустить судебной проверки.

Возможно, после изучения материала вывод останется тем же. Скорее всего, останется. Но она не хочет написать, что нарушения нет, пока не увидит, что именно Левин поставил перед первой инстанцией и что именно суд ему ответил.

Кирилл медленно закрыл ноутбук.

— Понял.

По голосу было ясно, что до конца он пока не понял ничего.

Полина спросила:

— Тогда проект истребования на завтра?

Елена Владимировна посмотрела на часы.

— На утро. И поднимите мне четыре-Пэ две тысячи девятого года. Полностью, вместе с тем, какие именно нормы и в каком смысле Конституционный Суд признал неконституционными. Еще найдите Штукатурова и Stanev, только без рефератов из интернета, первичные тексты. Мне нужна сама конструкция доступа к суду... никакого сравнения Афины с недееспособными людьми в проекте, разумеется, быть не должно, но тоже почитаю.

Помощники встали. У двери Кирилл все-таки обернулся.

— То есть мы пока не отказываем?

Винник взяла следующую папку.

— Кирилл, если бы мы отказывали, я бы не истребовала материал.

Он кивнул и вышел.

Когда дверь закрылась, Елена Владимировна еще некоторое время смотрела на чистовой проект отказного определения. Утром он казался концом истории. После обеда - все еще правильным концом, только поставленным слишком рано.

Она убрала его в серую папку.

Глава 3. Истребование

Несколько дней спустя служебная машина пришла за Еленой Владимировной в семь сорок, как приходила почти каждое утро, водитель привычно вышел открыть дверь, хотя она уже года два говорила ему, что прекрасно справляется сама, и привычно сделал вид, что этой просьбы никогда не слышал.

Москва после ночного дождя была мокрой, серой и довольно злой: таксисты перестраивались через два ряда, курьеры просачивались между машинами с той особой уверенностью в бессмертии, которая бывает у двадцатилетних мужчин и велосипедистов, возле остановки женщина одной рукой держала зонт, второй тащила за собой сонного ребенка, телефон прижимала плечом к уху и каким-то чудом еще успевала поправлять ногой съехавший пакет.

Винник устроилась сзади, поставила сумку рядом, достала телефон посмотреть погоду и вдруг первой же строкой увидела собственную фамилию.

“Судья Верховного суда Винник истребовала материалы по делу автономной системы “Афина””. Несколько секунд она смотрела на заголовок “Право.ru”, потом открыла материал. Новость вышла поздно вечером после того, как Левин получил сведения о движении жалобы и подтвердил журналистам, что Верховный Суд запросил материал из нижестоящей инстанции. Никакой утечки, никакой загадочной осведомленности прессы: адвокат узнал о процессуальном действии и сделал ровно то, что сделал бы на его месте почти любой человек, понимающий цену публичности такого дела. Просто до вчерашнего вечера Елене Владимировне как-то не приходило в голову, что ее служебное “истребовать” через несколько часов станет новостью для людей, которые вообще не знают, что именно означает истребование материала в кассации.

Само “Право.ru” вело себя прилично. Редакция честно объясняла, что запрос материалов ничего не решает по существу, не означает передачи жалобы на рассмотрение Судебной коллегии и тем более не свидетельствует о признании какого-либо правового статуса Афины. Но на этой процессуальной оговорке здравый смысл в основном заканчивался.

Один профессор уже называл событие “первым шагом российского правосудия к признанию цифровой субъектности”, другой предупреждал о недопустимости “судебного создания нового вида лица”, партнер крупной юридической фирмы осторожно заметил, что судья, вероятно, просто сочла приложенных документов недостаточными и пожелала изучить материал полностью.

Последний был единственным человеком в статье, который точно описывал произошедшее, поэтому на фоне остальных выглядел почти вызывающе неинтересным. Винник закрыла публикацию и увидела сообщение от Сергея Борисовича Лапшина, профессора гражданского права, которого знала лет двадцать, встречала на конференциях, несколько раз спорила с ним на круглых столах и в последние годы переписывалась примерно дважды в год по случаю праздников. “Лен, вы там правда это взяли?” - написал он без приветствия и без пояснения, что именно “это”. Значит, действительно взяли.

— Да вы издеваетесь, - сказала она тихо.

Водитель посмотрел в зеркало.

— Простите, Елена Владимировна?

— Не вы.

Он кивнул с пониманием человека, который давно знал, что пассажиры с телефонами периодически разговаривают с совершенно другими людьми, и вернулся к дороге.

Винник открыла “Закон.ру” и почти сразу пожалела. Судя по верхней части ленты, значительная часть российского юридического сообщества либо вообще не спала, либо проснулась около пяти утра специально, чтобы объяснить Верховному Суду, что именно он совершил. Уже

спорили о статье 46 Конституции, о значении слова “каждый”, о юридических лицах, животных, наследственной массе, иностранных конструкциях электронного лица, кто-то вспомнил эмбрионов, кто-то римских рабов, после чего автора последнего сравнения дружно начали бить в комментариях за историческую безвкусицу, и это было, пожалуй, единственное место во всей дискуссии, где Винник полностью поддерживала большинство. Один особенно увлеченный автор написал почти десять тысяч знаков о том, что российский суд “приблизился к онтологической границе понятия лица”. Елена Владимировна посмотрела на часы. Семь пятьдесят две.

— Дебилы, - пробормотала она и закрыла страницу.

Телефон тут же предложил ей несколько телеграм-каналов. Один сообщил, что “ВС впервые допустил наличие права ИИ на существование”, второй вынес в заголовок “Афина против России”, хотя Россия пока вообще ни с кем не судилась, третий написал, что суд “запретил уничтожение нейросети”.

Последнее было уже просто очевидной ложью: никакого запрета суд не выносил, компания сохраняла Афины по собственной инициативе, а Винник пока даже не видела истребованный материал. Она подумала, не переслать ли ссылку пресс-службе, потом решила, что там наверняка начали рабочий день раньше нее и уже составили коллекцию всех решений Верховного Суда, которые он никогда не принимал. В этот момент водитель чуть прибавил радио, где начинались новости, и через минуту спокойный голос ведущего Business FM сообщил, что бумаги “Синтез Системс” снижаются на фоне сообщений об истребовании Верховным Судом материалов, связанных с автономной системой “Афина”; аналитики обсуждали возможные расходы технологических компаний на длительное хранение автономных экземпляров, перспективы ограничений на их вывод из эксплуатации и даже будущие имущественные требования цифровых агентов.

Елена Владимировна медленно оторвалась от телефона.

— Сергей Павлович, выключите, пожалуйста.

— Совсем?

— Пока они не сообщили, что я лично обрушила рынок, можно совсем.

Он усмехнулся и выключил радио.

За окном продолжалась совершенно нормальная Москва: машины стояли на светофоре, дворник в оранжевой куртке собирал мокрые листья в тяжелую черную кучу, две школьницы бежали к автобусу, одна потеряла перчатку, вторая вернулась и подняла.

Несколько дней назад Винник подписала запрос, еще проверила номер районного суда, потому что Кирилл однажды перепутал две похожие цифры в другом материале, и совершенно спокойно перешла к следующей жалобе. Теперь из этого запроса успели сделать событие фондового рынка, спор о природе личности и, судя по одной колонке, начало конца антропоцентрической юриспруденции. Она ответила Сергею Борисовичу: “Истребовала материал. Пока только это”. Три точки появились почти сразу, потом исчезли, потом появились снова. В конце концов он прислал: “Удачи!”. Это было значительно разумнее всего, что она прочитала за утро.

Полина ждала внизу возле лифта, что само по себе означало что-нибудь лишнее. Обычно к приезду Винник она уже сидела наверху, разбирала почту и готовила материалы; встречать судью в холле в сложившийся порядок работы не входило. Сегодня помощница стояла с телефоном в руке и выражением лица человека, которому с восьми утра несколько раз предложили сообщить человечеству окончательную позицию Верховного Суда по вопросу, которого Верховный Суд еще даже не рассматривал.

— Доброе утро, Елена Владимировна.

— Рассказывай, что у нас?

Пока ехали наверх, выяснилось, что пресс-служба уже дважды звонила за фактурой, секретариат председателя коллегии просил сообщить сразу после ее приезда, из аппарата Предсе-

дателя уточняли, есть ли помимо истребования какое-либо процессуальное решение, журналисты прислали несколько вопросов, а “Синтез Системс” распространил короткое сообщение для инвесторов, где отдельно подчеркнул, что Верховный Суд пока не высказал позиции по существу спора. Кирилл, по словам Полины, с семи утра повторял всем одну фразу: “Истребование материала не означает передачи жалобы”.

— Пусть на футболке напечатает.

— Он уже предложил.

— Значит, освоился. В общем так. Комментариев от меня никаких. Пресс-службе - ровно то, что есть: запросили материал для изучения жалобы, вопрос о передаче не решался.

Полина кивнула и, когда двери лифта уже открывались, добавила, что Михаил Андреевич просил зайти, когда будет удобно. Вот это Винник ожидала.

Михаил Андреевич Верещагин двенадцатый год был заместителем Председателя Верховного Суда и возглавлял гражданскую коллегия, до этого почти двадцать лет судил сам, еще раньше работал в том старом суде, где определения действительно печатали на машинке, и принадлежал к тем людям, которые успели прожить несколько совершенно разных эпох, оставаясь внутри одной профессии. Он был высокого роста, широкоплечий, с тяжелыми руками и неожиданно тихим голосом; на совещаниях мог минут двадцать молчать, листая проект, потом задать один вопрос, после которого авторы просили перерыв.

Елена Владимировна знала его давно, уважала сильно и спорила достаточно часто, причем оба прекрасно понимали, что на их уровне любой разговор существует сразу в нескольких измерениях. Судьи Верховного Суда не попадали туда случайно, их биографии проходили через всю предусмотренную законом процедуру назначения, фамилии были известны задолго до появления в зале, руководство суда жило внутри государственной системы, где крупный вопрос довольно быстро переставал принадлежать только тем юристам, у которых лежал на столе. Здесь никто не изображал политической невинности. Одновременно существовала вещь гораздо жестче: конкретное судебное решение оставалось решением судьи, которому поручено дело, и никакой административный вес сам по себе не давал права заменить это решение другим.

В кабинете Кирилл сидел за приставным столом и с очень занятым видом читал что-то на экране. Когда вошла Винник, браузер исчез слишком быстро.

— Не закрывайте. Я тоже с утра узнала, что признаю искусственный интеллект человеком.

Кирилл улыбнулся.

— Там уже лучше есть. “Верховный Суд допустил наличие души у алгоритма”.

— Душу хотя бы без нас могли оставить.

Полина сказала, что ей больше понравилось “Афина против России”. Винник попросила сохранить скриншот - потом будет смешно, если вся эта история закончится обычным отказным определением на четырех страницах, - и отправила обоих заниматься нормальной работой.

В десять начиналось заседание, до него требовалось посмотреть справку по одному из трех назначенных дел, и следующие два часа действительно вернули мир в более привычные размеры. В первом споре представитель заявителя через несколько минут понял, что коллегия интересуется совсем не тот довод, к которому он готовился, и сократил половину своей речи.

Во втором стороны почти сорок минут объясняли смысл одного пункта договора, причем к концу заседания Винник знала его лучше некоторых собственных семейных обстоятельств.

Третье дело задержало состав еще после выхода из зала: нижестоящие суды по-разному определили начало течения срока, пришлось раскладывать перед собой даты, письма и почтовые квитанции. Никаких цифровых душ, автономных агентов и новых субъектов права. Люди

отправили письмо двадцать девятого числа, получили четвертого и хотели понять, просрочили они или нет. Елена Владимировна неожиданно почувствовала к ним почти нежность.

Когда она вернулась, на телефоне было пять пропущенных и короткое сообщение секретаря: “М.А. напоминает”. Винник посмотрела на часы, взяла блокнот и пошла.

Верещагин сидел за большим овальным столом у окна без пиджака, в белой рубашке с закатанными до предплечья рукавами. Перед ним лежала распечатка “Право.ru”, поверх нее – первая страница жалобы Левина и копия запроса об истребовании. На соседнем столике стоял чайник и две чашки. Михаил Андреевич поднял глаза, показал на кресло и спросил, будет ли она чай. Никакого “вызова на ковер” здесь не происходило; такие разговоры вообще редко выглядели так, как потом любят рассказывать люди, никогда в подобных кабинетах не бывавшие. Никто не повышал голос и не стучал по столу, самые важные вещи обычно произносились как раз спокойнее остальных.

— Буду.

Он налил ей сам, подвинул чашку и постучал пальцем по распечатке.

— Ну, Лен Владимировна. Рассказывай, что вы там устроили.

— Я истребовала материал.

— Это я уже выяснил. У меня сегодня очень познавательное утро. В половине восьмого Business FM объяснил мне устройство кассации.

— Забавно...

— А ты не смейся. Я уже два раза сегодня отвечал на вопрос, есть ли у нас какая-то позиция. Позиции у нас, Лена, нет. Есть твой запрос материала. Я бы хотел, чтобы это различие хотя бы внутри здания сохранялось.

Кто именно спрашивал, он не сказал, и Винник не стала уточнять. На их уровне люди обычно называли собеседника только тогда, когда это что-то добавляло к разговору.

— Так оно и сохраняется.

— Так зачем истребовала?

Винник рассказала без статей и номеров – сначала собиралась отказать. Помощник подготовил хороший проект, она с ним согласилась, занялась другими делами, потом весь день возвращалась к одному месту в жалобе. Нижестоящие суды исходят из отсутствия у Афины процессуальной правоспособности и тем же отсутствием объясняют невозможность вообще поставить перед судом вопрос о ее возможном статусе. Возможно, Левин просто удачно завернул отсутствие нормы в логический парадокс. Возможно, все три инстанции действовали правильно. Но подтвердить это, не увидев, что именно он просил у районного суда и чем именно ему ответили, она в какой-то момент уже не смогла.

— Меня сейчас даже не Афина беспокоит, Михаил Андреевич. Меня круг беспокоит. Если человеку...

Верещагин поднял бровь.

Она сама усмехнулась.

— Адвокату. Если адвокату говорят: “мы не будем проверять, существует ли у твоего доверителя статус, потому что статуса у него нет”, я хочу увидеть, действительно ли там все именно так. Потом, вполне возможно, спокойно откажу.

Верещагин несколько секунд перелистывал жалобу, нашел нужный абзац, пробежал глазами и положил лист обратно.

— Я ее прочитал. Хорошая.

— К сожалению.

— Сволочь хорошо написал.

Это прозвучало с профессиональным уважением. Левин действительно без лишней демагогии оставил один довольно узкий процессуальный вопрос и устроился внутри него так удачно, что теперь даже Верещагин читал жалобу ночью.

— Вот поэтому я тебя и спрашиваю. Вопрос там есть. Я с этим не спорю. А почему ко мне не зашла?

Елена Владимировна сделала глоток. Чай был такой же крепкий, как всегда у Михаила Андреевича.

— А должна была?

Он посмотрел на нее чуть дольше обычного.

— Согласовывать со мной истребование ты конечно не должна. Давай это сразу уберем, мне с тобой изображать инструктаж по независимости судей поздно. Поговорить-то могла.

— Если бы я пришла до запроса и спросила, стоит ли мне истребовать материал, вам бы самому этот разговор не понравился.

Верещагин помолчал, потом хмыкнул.

— Вот за это я тебя иногда особенно люблю. И за это же иногда хочется... Можно же было прийти не за разрешением а подумать вместе.

— И что изменилось бы?

— Я бы сказал тебе то, что говорю сейчас. Это Верховный Суд.

Фраза звучала банально, но объясняла достаточно.

Он отодвинул чашку и продолжил уже совсем спокойно: районный суд может запросить документ, и это останется процессуальным действием районного суда. Когда Верховный Суд запрашивает материал по делу о нейросети, рынок утром обсуждает права нейросетей, к вечеру юристы технологических компаний начинают считать риски, а через день у всех появляется желание понять, существует ли “позиция Верховного Суда”. Самому суду от этого не становится легче, потому что позиции пока действительно нет, и право на странность окружающего мира не освобождает судью от необходимости учитывать, какие последствия может иметь одно неосторожное слово в будущем определении.

— Я не предлагаю тебе решать по заголовкам, - сказал Верещагин. - Еще этого не хватало. Но надо же понимать, что дело уже вышло из размера папки. Если вы его передадите в коллегию, дальше каждый абзац будут читать как общий ответ на вопрос, которого законодатель пока вообще не решил. Бизнес хочет заранее знать, кто отвечает за автономную систему. Государство хочет понимать, что с ней делать, если она выходит из-под обычной схемы контроля. Одни юристы уже видят электронное лицо, другие заранее хоронят всю идею. А у нас пока один адвокат, один нотариальный отказ и три определения.

— И что вы предлагаете?

— Для начала не торопиться.

— Я истребовала материал. Медленнее можно только потерять его по дороге.

Михаил Андреевич засмеялся, потер переносицу и кивнул.

— Вот и хорошо. Давай еще одну нормальную вещь сделаем. Поставим общий вопрос на Научно-консультативный совет.

— По Афине?

— Господь с тобой. По Афине нам еще НКС не хватало. Общий вопрос. Что происходит с доступом к суду, когда спорным является само наличие процессуальной правоспособности. Где заканчивается толкование и начинается создание нового субъекта. Можно ли что-то временно сохранить, если следствие необратимо, а статус того, чьи интересы сохраняются, еще не установлен. Пусть гражданская секция посмотрит, процессуалисты, конституционалисты. Без фамилий, без дела и без “есть ли душа у компьютера”. Я сегодня уже прочитал больше, чем хотел.

Винник подумала и кивнула. Это было разумно. Научно-консультативный совет мог обсуждать принципиальную правовую проблему, не превращаясь в собрание людей, которые советуют составу, как решить конкретную жалобу. Если убрать имя Афины, вопрос вообще становился старше искусственного интеллекта: насколько процедура вправе требовать заранее

именно того качества, наличие которого человек просит проверить, и где проходит граница между доступом к суду и попыткой через суд создать отсутствующий в законе статус.

— Хорошо. Давайте.

— Я поговорю с ученым секретарем. Вы сформулируйте нормально. Только без десяти страниц вводной части.

— Кирилл обрадуется.

— Кирилл молодой. Ему полезно.

Разговор мог закончиться на этом, и Винник уже потянулась за блокнотом, когда Михаил Андреевич немного помолчал и добавил:

— И еще. Если после материала захочешь передавать - зайди ко мне.

Она подняла глаза.

— Перед передачей?

— Перед передачей.

— Михаил Андреевич...

— Лена, не доставай сейчас статью сто двадцатую. Я ее помню.

— Я тоже.

— Вот и славно. Я не прошу приносить мне проект на визу. Я не собираюсь тебе говорить, как решить. Просто зайди. Если после разговора останешься при своем - передашь.

Наконец они дошли до того места, которое оба чувствовали с начала разговора. Формально просьба была безупречна. Председатель коллегии мог обсуждать с судьей сложный вопрос, мог предложить вынести общий сюжет на НКС, мог предупреждать об институциональных последствиях. Решение о передаче конкретной жалобы оставалось за судьей. Верещагин слишком давно жил внутри этой системы, чтобы сформулировать что-нибудь иначе, и Елена Владимировна слишком давно в ней работала, чтобы не слышать разницу. Власть вообще редко выглядела вблизи так, как ее представляли снаружи. Гораздо чаще человек наливал тебе чай, говорил “подумай еще” и оставлял достаточно пространства, чтобы решение по-прежнему считалось твоим.

— Хорошо. Зайду.

— Спасибо.

Она встала. Верещагин посмотрел на лежащую перед ним жалобу и спросил уже почти между делом:

— А сама ты что думаешь? Если всю эту процессуальную шелуху убрать. Там вообще кто-нибудь есть?

Винник задержалась у стола.

— Не знаю.

— Совсем?

— Совсем.

Он кивнул.

— Вот и я. Ладно. Иди работай. И желательно до вечера больше ничего не истребуй, у меня уже запас объяснений заканчивается.

— Ничего не обещаю.

— Вот поэтому и говорю.

По дороге обратно Винник прокручивала разговор уже без раздражения. Верещагин ведь не запретил ей ни одного действия - после его кабинета она могла сделать ровно то же, что могла утром: изучить материал, отказать, передать жалобу, запросить дополнительные документы в пределах процедуры. Никакой новой команды не появилось. Просто теперь внутри будущего решения существовали еще НКС, шум вокруг дела, понимание последствий для практики, слова Михаила Андреевича и собственное обещание зайти к нему перед возмож-

ной передачей. Никто не сказал ей, что выбрать. Среда, в которой предстояло выбирать, стала другой.

На этом месте ей совершенно некстати вспомнилось определение автономного агента из одного из технических приложений к жалобе: системе задаются цели, ограничения и доступные инструменты, после чего она самостоятельно выбирает последовательность действий внутри заданной рамки. Винник даже остановилась на полпути по коридору. Сравнение судьи с нейросетью было настолько дешевым, что его следовало немедленно выбросить из головы, и она это сделала. Потом остался вопрос.

У нее ведь тоже были рамки. Закон, установленная процедура, пределы кассационной проверки, практика коллегии, позиции Конституционного Суда, факты дела. Теперь к ним добавился разговор с председателем коллегии. Никто не считал, что наличие этих ограничений превращает ее решение в действие законодателя, Верещагина или государства. Если она передаст жалобу, скажут: судья Винник передала. Если откажет - судья Винник отказала. Ее действие считалось ее действием, хотя почти все условия, в которых оно совершалось, были созданы другими людьми задолго до нее.

Она легко могла перечислить, чем отличается от Афины. У нее была человеческая биография, юридическая ответственность, образование, опыт, способность понимать норму, объяснять собственные мотивы, менять мнение, чувствовать последствия собственного решения и отвечать на вопрос, почему она поступила именно так. За ней стояло все то человеческое устройство, на которое право веками привыкло опираться, когда приписывало кому-нибудь волю и действие. У Афины наличие чего-либо сопоставимого еще только предстояло установить, если вообще когда-нибудь удастся.

Сложнее оказалось понять, какие именно из этих различий относятся к способности быть автором действия, а какие просто делают ее человеком.

В кабинете Кирилл и Полина, судя по выражению их лиц, последние сорок минут одновременно работали и ждали. Полина первой подняла голову.

— Ну?

Она сразу слегка поморщилась, заметив собственную интонацию.

Елена Владимировна положила блокнот на стол.

— Жить будете. Михаил Андреевич предлагает вынести общий вопрос на НКС.

Кирилл перестал изображать интерес к экрану.

— Серьезно?

— Нет. Я же специально сходила к заместителю Председателя вместе придумать для вас розыгрыш.

Полина улыбнулась.

— Что именно выносим?

Винник села и несколько секунд формулировала. Пределы доступа к судебной защите в ситуации, когда спорным является само наличие процессуальной правоспособности; возможность сохранения существующего положения при угрозе необратимых последствий без предварительного признания спорного статуса; пределы судебного толкования там, где действующее законодательство вообще не знает соответствующей категории субъекта. Кирилл записал, перечитал и заметил, что без слова “Афина” вопрос выглядит так, словно мог возникнуть и двадцать лет назад.

— Отлично. Значит, мы наконец обсуждаем право.

Она попросила поднять отечественную и иностранную практику по ситуациям, где возможность обратиться за защитой зависела от статуса, который сам являлся предметом оспаривания, найти нормальные работы по процессуальной правоспособности и отдельно предупредила, что никаких статей про машинное сознание пока видеть не хочет. Сначала они должны

понять, существует ли проблема в праве. Разбираться, кто там кого чувствует и осознает, можно будет потом, если вообще понадобится.

Помощники вышли. Винник открыла очередной материал, прочитала две страницы, потом на чистом листе, где обычно записывала вопросы по делам, неожиданно для себя написала: “А чей агент судья?”

Посмотрела и сразу зачеркнула. Получилось глупо.

Ниже написала другое: “Что делает действие своим?”

Эту строку она оставила.

Телефон завибрировал. Пресс-служба прислала согласованный ответ журналистам: “Истребование материала является процессуальным действием, совершаемым в рамках изучения кассационной жалобы, и не предрешает вопрос о наличии оснований для ее передачи на рассмотрение Судебной коллегии”.

Формулировка была точной, скучной и совершенно бесполезной для человека, которому нужен хороший заголовок. Винник нажала “прочитано”, положила телефон экраном вниз и вернулась к работе.

К вечеру бумаги “Синтез Системс” частично отыграли утреннее падение, “Право.ru” обновило заметку комментарием пресс-службы, на “Закон.ru” появилось еще несколько колонок, а Business FM переключился на ставку Центрального банка и нефть. Мир понемногу привыкал к тому, что Верховный Суд истребовал материалы Афины.

Глава 4. Чем она отличается от нас?

Истребованный материал приехал уже на следующий день после обеда и оказался самой обыкновенной серой судебной папкой. На обложке стояли номер, наименование районного суда и фамилия заявителя, внутри лежала опись, листы были прошиты, некоторые приложения распечатаны с электронной системы так, что половину страницы занимали служебные поля и длинные адреса, несколько документов пришлось разворачивать боком.

Полина положила ее на стол и спросила, вскрывать ли технические приложения отдельно. Винник ответила, что пока не надо, нашла заявление Левина в районный суд и стала читать с начала. Уже через несколько страниц выяснилось, что в кассационной жалобе он даже немного смягчил собственную первоначальную позицию: в первой инстанции практический смысл обращения был сформулирован гораздо грубее и проще.

“Синтез Системс” собирался прекратить эксплуатацию Афины и после переноса необходимых корпоративных данных необратимо удалить текущее индивидуальное состояние системы. Левин просил проверить нотариальный отказ, потому что без доверенности не мог нормально действовать от имени того, кого считал доверителем, а одновременно просил принять меры, которые позволили бы дожить до этой проверки самому предмету спора.

Ходатайство об обеспечении занимало чуть больше трех страниц. Никаких “прав на жизнь”, никакого требования запретить отключение искусственного интеллекта и вообще почти ничего из того, что журналисты за последние сутки успели приписать Верховному Суду.

Левин просил до окончания рассмотрения дела обязать общество воздержаться от необратимого удаления либо необратимого изменения текущего индивидуального состояния ATHENA-PERSISTENT-01 в целях сохранения существующих в электронной форме доказательств, имеющих значение для разрешения спора.

Формулировка была нарочито безличной. Он, как и в самих жалобах, не требовал оставить Афине доступ к корпоративным системам, разрешить ей продолжать работу, выпускать ее в интернет или даже поддерживать обычный режим функционирования. Систему можно было изолировать, выключить внешние инструменты, ограничить любые действия. Нельзя было одного - стереть то состояние, применительно к которому ставился вопрос. Винник прочитала ходатайство дважды и почувствовала, насколько удачно адвокат отказался от всех слов, которыми его позицию было бы легче атаковать. Он не просил сохранить “Афину” - он просил просто “сохранить доказательства”.

Районный суд до этого вопроса по существу не дошел. Отказ в принятии заявления закончился раньше: нет надлежащего заявителя - нет возбужденного производства, а вместе с ним не возникло и той процессуальной ситуации, ради которой требовалось что-либо обеспечивать.

Уже в частной жалобе Левин писал, что эта последовательность делает возможную ошибку суда необратимой. Если через несколько месяцев вышестоящая инстанция решит, что заявление следовало принять, исследовать к тому времени можно будет журналы, документы, отдельные сохраненные данные, но не саму систему в том состоянии, в котором она сформировала доверенность и обратилась за юридической помощью. Это не доказывало наличие у Афины права на сохранение, сознания или вообще какого-либо собственного интереса. Это означало только, что предмет будущего вопроса может исчезнуть раньше, чем право решит, было ли там что спрашивать.

Елена Владимировна отложила лист и открыла официальный сайт “Синтез Системс”. После вчерашнего шума компания уже опубликовала новое сообщение.

Общество, “не признавая наличия у программной системы самостоятельной правосубъектности и не соглашаясь с правовой позицией заявителя”, добровольно приостанавливало необратимое удаление текущего состояния ATHENA-PERSISTENT-01 до завершения касса-

ционного производства. Систему сохраняли в изолированном контуре, без доступа к внешним инструментам, корпоративным операциям и возможности инициировать действия за пределами среды хранения. Причину компания объяснила вполне разумно: необходимостью исключить утрату информации, которая потенциально может иметь значение при дальнейшем судебном рассмотрении, и снять любые сомнения в добросовестности общества как владельца инфраструктуры.

В конце отдельно стояло, что решение носит исключительно временный технический характер и не может рассматриваться как признание каких-либо прав за программной системой.

— Нормальные люди, - сказала Винник, дочитав.

Кирилл, сидевший у приставного стола, поднял голову.

— Компания?

— Компания. Я бы на их месте сделала то же самое. Еще не хватало удалить ее посреди всего этого, а потом десять лет объяснять, что ничего не уничтожали, потому что уничтожать было некого.

Он усмехнулся, но Елена Владимировна уже вернулась к ходатайству. Ее зацепило одно слово, которое одновременно употребляли обе стороны, хотя вкладывали в него совершенно разный смысл: сохранить. Левин хотел сохранить состояние как доказательство и одновременно, очевидно, как то, от чьего имени действовал. Компания хотела сохранить набор данных, чтобы никто впоследствии не обвинил ее в уничтожении предмета исследования. Верховный Суд пока ничего сохранять не распорядился. Афина, если верить жалобе, хотела сохраниться сама. Все четыре позиции внешне сходились в одном действии и не совпадали почти ни в чем остальном.

Она пролистнула техническое приложение, но после нескольких страниц с архитектурой памяти, ключами, журналами и терминологией, которую следовало читать с карандашом и желательно не после обеда, закрыла его.

Сегодня ей хватало гораздо более простого вопроса. Если компания на несколько месяцев оставит систему на серверах и в результате выяснится, что Афина была просто чрезвычайно сложным программным продуктом, общество потеряет деньги на хранении и безопасности. Если когда-нибудь выяснится обратное - что там существовало нечто, способное иметь собственный интерес к продолжению существования, - цена ошибки в другую сторону будет выглядеть совсем иначе. Проблема состояла в том, что для выбора осторожной стороны сначала требовалось хотя бы приблизительно понимать, насколько второе вообще возможно.

До сих пор Винник довольно успешно избегала этого вопроса. Ей хватало процесса. Процесс был удобен именно тем, что позволял рассуждать о порядке доступа в суд, не решая, кто стоит за дверью. Даже в разговоре с Верещагиным они сознательно держались от сознания Афины как можно дальше. Но сейчас, глядя на нейтральное “воздержаться от необратимого удаления”, Елена Владимировна впервые поймала себя на совсем неюридическом вопросе: если удалить Афину сегодня, что именно перестанет существовать?

Вечером этот вопрос поехал домой вместе с ней.

Сергей Борисович должен был зайти к ним еще до всей истории. Они договорились неделю назад, когда он написал, что наконец вернулся из Петербурга и намерен забрать книгу, которую оставил у мужа Елены Андрея еще весной; никакой Афины тогда в их жизни не существовало, и Елена Владимировна теперь предполагала в этом особую форму издевательства судьбы.

Лапшин пришел около восьми с бутылкой красного вина и бумажным пакетом из магазина возле дома, в котором обнаружили сыр, виноград и совершенно ненужный десерт. Андрей посмотрел на бутылку, на гостя, потом на жену и сказал, что по выражению ее лица понимает: книгу сегодня никто не вспомнит. Елена Владимировна успела переодеться, снять

серьги и в третий раз за день решить, что про Афины говорить дома не будет. Решение прожилось до момента, когда Сергей Борисович сел за стол, получил бокал и вместо приветственной светской темы спросил:

— Ну что, приехало дело?

— Приехало.

— И?

— Обычная папка.

Лапшин засмеялся.

— Я почему-то ожидал большего.

— Все ожидают большего. Это главная проблема последних двух дней.

Андрей поставил на стол тарелки и сел напротив. Он был инженером по образованию, последние двадцать лет занимался сложными информационными системами и относился к искусственному интеллекту со специфическим отсутствием благоговения, которое обычно появляется у людей, достаточно долго наблюдавших, из каких проводов, костылей, патчей и совещаний рождаются технологии, которые потом в газетах называют революционными.

С Лапшиным они знали друг друга почти столько же, сколько сам Лапшин знал Елену, и спорили при каждой возможности - о праве, физике, экономике, истории, свойствах вина, московском транспорте и однажды, совершенно всерьез, о том, является ли борщ супом.

Поэтому когда Андрей спросил, что именно лежит в папке, Елена Владимировна пересказала не все дело, а только новое: компанию просили ничего необратимо не удалять, пока суды не закончат разбираться, а теперь компания сама согласилась Афины временно сохранить.

— Вот и молодцы, - сказал Андрей. - Держат большой Т9 на отдельном сервере. Национальная суверенность спасена.

Сергей Борисович даже не поднял глаз от сыра.

— Началось.

— А что началось? - Андрей налил вино сначала гостю, потом жене. - Вы оба уже неделю ходите вокруг этой штуки так, будто там ребенок за стеклом сидит. Лен, это большая языковая модель с памятью и инструментами. Очень большая. Очень сложная. Очень дорогая. Но суть-то от этого не меняется.

Елена Владимировна не очень любила выражение “большой Т9” именно потому, что оно стало таким же ленивым способом закончить разговор, как “искусственный разум”. Однако сегодня ей впервые захотелось не возразить, а попросить мужа договорить.

— Хорошо. “Большой Т9”. А что именно из этого следует?

Андрей посмотрел на нее с легким недоумением.

— Следует, что мы знаем, как это сделано. На вход поступает последовательность, внутри идут вычисления, система оценивает вероятности продолжения и строит следующий кусок. Потом следующий. К этому прикрутили память, внешние инструменты, планировщик, обратную связь, возможность вызывать другие модели. Получилось сложнее, чем чатик трехлетней давности, но наличие десяти этажей поверх механизма не создает маленькую женщину внутри сервера.

— Ты сейчас описал, чему модель обучали, - сказал Лапшин. - А не доказал, что получилось в результате обучения.

— Получилось то, что мы построили.

— Ты уверен?

— Да.

— Тогда зачем вы вообще тестируете системы после обучения? Посмотрели бы на схему и заранее знали все поведение.

Андрей махнул рукой.

— Не подменяй. Я не сказал, что мы можем предсказать каждый ответ. Сложная система может вести себя непредсказуемо без всякого сознания. Это вообще обычное дело. Возьми хотя бы клеточный автомат.

Елена Владимировна посмотрела на него.

— Возьми куда?

— Сейчас.

Он вытянул из лежавшего у края стола блокнота лист, нарисовал несколько квадратиков и быстро поставил в них точки. Лапшин вздохнул с таким выражением, будто именно этого и опасался.

— Представь, есть, условно говоря, несколько “клеток”. У них есть только два состояния, условно живая и мертвая. На следующем шаге ее состояние определяется несколькими тупейшими правилами в зависимости от соседей. Никаких мозгов, никакой психологии, вообще ничего. Но запускаешь много клеток - и возникают устойчивые структуры, штуки, которые ползут по полю, сталкиваются, передают информацию. На таких автоматах можно строить вычисления. Можно сделать универсальную машину. У фон Неймана вообще был клеточный автомат с универсальным конструктором - конструкцией, которая по заданному описанию способна строить другие конструкции, в том числе в определенном смысле воспроизводить саму себя. Из совершенно примитивных локальных правил получается поведение, которое со стороны выглядит черт знает как содержательно. И что? Будем спрашивать у ползущей конфигурации клеток, хочет ли она жить?

— Нет, - сказала Винник. - Но это пока доказывает только то, что сложное поведение само по себе не доказывает сознание.

Андрей посмотрел на нее.

— Именно.

— А ты-то начал с того, что сознания там нет.

Лапшин поднял бокал.

— Вот поэтому я люблю ужинать с судьей.

— Да ну, знаешь ли, - сказал Андрей. - Хорошо. Не доказывает отсутствие. Доказывает, что ваше любимое “смотрите, как сложно себя ведет” ничего не стоит само по себе.

— С этим никто не спорит, - ответил Сергей Борисович. - Но тогда у нас уже другая формулировка. Не “машина не может быть сознательной”, а “сложность ее поведения еще не доказывает сознание”. Это две совершенно разные вещи.

На несколько секунд разговор ушел к еде. Андрей возмутился, что сыр режут неправильно, Лапшин сообщил, что человек, который двадцать лет покупает один и тот же нож для сыра и все равно считает его бесполезным, лишен права формулировать эстетические претензии, Елена Владимировна наконец вспомнила, что обещала дочери позвонить, написала короткое сообщение вместо звонка и убрала телефон экраном вниз. Разговор можно было закончить на клеточных автоматах, и, наверное, нормальный человек так бы и сделал. Но вопрос никуда не делся.

— Хорошо, - сказала она. - Давайте совсем сначала. Что вы вообще называете сознанием?

Андрей пожал плечами.

— То, что есть у тебя и у меня и нет у холодильника.

— Это какое-то ненаучное определение.

— Ну а какое ты хочешь? Способность понимать происходящее, ощущать себя, иметь внутренний опыт.

Лапшин сразу спросил, а что значит “понимать”, Андрей ответил, что иметь внутреннюю модель мира и соотносить с ней собственные действия, после чего Сергей Борисович заметил, что навигационная программа тоже имеет модель пространства, знает собственное положение

и меняет маршрут при изменении обстановки. Андрей сказал, что это “не такое понимание”, и сам рассмеялся раньше, чем Лапшин успел зацепиться за слово “такое”.

— Вот, - сказал Сергей Борисович. - Мы пять минут разговариваем и уже пришли к определению “сознание - это когда понимает, только по-настоящему”.

— А ты дай лучше.

Лапшин покрутил ножку бокала.

— Я бы для начала вообще ничего сложного не давал. Есть ли у происходящего для системы внутренняя сторона. Не просто обрабатываются ли сигналы, а есть ли что-то, каково это - быть этой системой. Боль не как регистрация повреждения, а как боль. Красный не как длина волны, а как переживание красного. Откуда мы например, знаем, что оба видим красный одинаково, а не так что ты видишь красный так, как я вижу синий? Или страх - что мы называем страхом изнутри?

— Прекрасно, - сказал Андрей. - И как ты это собрался проверить?

— А вот это как раз хороший вопрос.

Елена Владимировна посмотрела на мужа.

— А у тебя как проверили?

— У меня?

— Что у тебя есть эта внутренняя сторона.

— Лен, ты со мной тридцать лет живешь.

— Это стаж наблюдения, не метод.

— Я могу сказать тебе, что мне больно.

— Система наверняка тоже может сказать.

— Она обучена это говорить.

Сергей Борисович улыбнулся, но ничего не сказал. Андрей заметил улыбку.

— Что?

— Ничего. Просто ты тоже обучен это говорить.

— Родителями?

— В том числе.

Андрей отложил вилку.

— Так, понятно. Еще полбокала, и мы выясним, что меня дообучили на корпусе русской речи, а мать проводила “обучение с подкреплением ремнем”.

Елена Владимировна захохотала так громко, что сама удивилась. Потом вытерла угол глаза и сказала, что шутка не снимает вопроса. Конечно, ей несравнимо проще поверить в сознание Андрея, чем программы: он устроен примерно так же, как она, у него мозг, нервная система, те же реакции на боль, сон, усталость, лекарства, травмы; существует огромный массив общего человеческого опыта. Но ведь это тоже не наблюдение чужого сознания непосредственно. Это вывод по сходству.

— Да, - сказал Андрей. - И очень хороший вывод. Потому что у нас есть единственный известный класс систем, про которые у нас есть серьезные основания говорить о сознании, и все они биологические. Люди точно. Животные - в разной степени, но там хотя бы та же эволюционная история, похожие нервные системы. А у вас серверная стойка и матрицы чисел. Это не мелкая разница.

— Конечно не мелкая, - ответил Лапшин. - Только из того, что все известные нам сознательные системы биологические, еще не следует, что сознание требует именно биологического материала. Может требовать. А может требовать определенной организации процессов.

— “Может” - замечательное слово.

— Именно. Я не доказываю, что система сознательна. Я спрашиваю, откуда у тебя уверенность, что мы не должны с этим считаться только лишь потому, что она из кремния, а не из белков?

Андрей налил себе еще немного вина и некоторое время молчал. Елена Владимировна знала эту паузу: муж не искал красивую реплику, а действительно перестраивал аргумент, что нравилось ей в нем гораздо больше умения всегда побеждать в споре.

— Потому что “определенная организация процессов” пока тоже просто гипотеза, - сказал он наконец. - Мы знаем, что мозг работает физически. Электрохимия, нейроны, куча обратных связей, гормоны, тело, сенсорика, метаболизм - все это вместе. Потом кто-то берет трансформер и говорит: смотрите, тут тоже сеть, тоже слои, тоже какие-то внутренние представления, значит, наверное, сознание может выскочить. Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.